

Alexandra
КАСПАРИ

Мой самый
(не) любимый сосед

Александра Каспари

Мой самый (не)любимый сосед

«Автор»

2026

Каспари А.

Мой самый (не)любимый сосед / А. Каспари — «Автор», 2026

Жизнь Мелли Бейнардс подчинялась строгим правилам общины левиафанцев – до тех пор, пока в доме по соседству не поселился дерзкий незнакомец. Тот самый, что поцеловал её на городском празднике. Теперь он устраивает шумные вечеринки и нарушает покой всей общины. Но для Мелли главная опасность – собственное сердце, которое предательски замирает всякий раз, когда она видит его. Как устоять перед искушением, когда всё, чего ей хочется – это снова оказаться в его запретных объятиях?

© Каспари А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александра Каспари

Мой самый (не)любимый сосед

Глава 1

– Смотри, Мелли, они выехали на финишную прямую! – завизжала Уинни прямо мне в ухо, и я невольно отпрянула.

Не знаю, кто там выехал – весь обзор загородили облепившие обочины болельщики. Шум, гам, свист, крики, толкотня и нещадно палящее солнце – я уже раз сто пожалела, что поддалась на уговоры подружки и притащилась в центр, где в честь дня города устраивали велогонки для всех желающих. И ладно бы в гонках участвовал Дарвин, младший брат Уинни, так в последний момент выяснилось, что мы здесь из-за какого-то парня по имени Хит.

– А твоя мама знает, что тебе нравится парень не из общины? – осторожно спросила я, когда, протиснувшись сквозь лес человеческих тел, мы заняли место футах в трёхстах¹ от растяжки с надписью «Финиш».

Понятное дело, в нашем приходе никто не называет детей Хитами. Только Криспинами в честь отца-основателя общины и именами его сыновей: Джонатанами, Уильямами и Седриками, ну или на худой конец, чтобы не перепутать собственных детей и не величать каждого последующего Криспином Вторым или Джонатаном Четвёртым, сыновей нарекали Дарвинами, Кристоферами или Алистерами. Каким-то приличным именем, в общем.

– Не знает, – качнула головой Уинни и впилась в меня взглядом, – и ты ей об этом не скажешь!

– Я-то не скажу, – заверила её я, – но и ты обещай не наделять глупостей.

То, что я подразумевала под «глупостями», конечно, сильно разнилось с маминым представлением о морали и прочем, и я честно пыталась прятать всякие крамольные мысли глубоко-глубоко. Но они, как назло, постоянно всплывали на поверхность. «И чего тебе всё неймётся?» – спрашивала с укором моя двоюродная сестра Мелани. До того, как она вышла за Кристофера Дадсона, мы дружили втроём – я, Уинни и Мелани. (Если по факту, то её, как и меня, называли Мелизольдой в честь жены отца-основателя, но все звали её Мелани, а меня – Мелли.) Жила бы я лет сто тому, может, и мыслила бы так же, как она и многие поколения до неё.

Всё дело в том, что жизнь в общине упорядочена и стабильна. Что плохого в стабильности, спросите вы? Ничего, если в ней есть газировка, бургеры, приключенческие романы и интернет. В общине ничего из того, что я люблю, не было, нет и не планируется.

Левиафанцы, к которым принадлежу я и многие поколения моих предков, придерживаются тех же правил, что существовали и сто, и тысячу лет назад. Ни распорядок дня, ни привычки, ни меню, ни мода не меняются уже сотни лет. (Ладно, может, с модой я всё же погорячилась, но, тем не менее, от современных трендов мы отстали лет на пятьдесят.) Когда в семье рождается мальчик, его воспитывают как будущего рыбака или плотника, а девочку с малых лет учат шить, штопать, вязать, готовить, стирать, наводить в доме порядок и уют, ухаживать за детьми, больными и стариками. И о том, за кого она выйдет замуж, когда настанет тот самый час, тоже знает с детства. В апреле Мелани выдали за племянника главы общины, Уинни с ужасом ждала того дня, когда её просватают за среднего сына мясника.

Мой же будущий жених служит в Королевских воздушных силах и, как только он выйдет в отставку, состоится помолвка. А выйдет он в отставку, по моим скромным подсчётам, уже в

¹ 300 футов – 91,44 метра

будущем году. Мне исполнится двадцать, а ему... сорок пять. Мои старшие братья считают это идеальной разницей: он достаточно опытен, чтобы знать, как управлять семьёй, а я достаточно молода, чтобы слушаться. И от этой «идеальности» становилось особенно душно.

Тут двое парней предприняли попытку завести с нами знакомство, и мы были вынуждены ретироваться ещё дальше от финиша. Зато здесь, потеснив обнимающуюся парочку, оказались в первом ряду.

– Не нужно было так выражаться! – в сердцах воскликнула я.

– Что? – переспросила Уинни. – Это ты-то вырядилась? Помилуй, Мелли! Да по тебе за миллию видно, что ты из общины левиафанцев!

Я так не думала, но перечить не стала – не до споров сейчас.

Хотя, может, в чём-то Уинни и права. Все девушки вокруг в топах и обтягивающих джинсах или шортах, которые моя мать назвала бы вульгарными, и с ярким макияжем. Я, признаться, тоже слегка подкрасилась и даже волосы распустила (мама «наградила» бы меня за это хорошей взбучкой), надела свою самую короткую юбку – до колена, блузку с прозрачными рукавами и туфли с открытым носком. Самой себе я казалась бунтаркой, но по сравнению с той же Уинни, облачившейся в короткий сарафан в цветочек, выглядела так, будто собралась на собеседование в библиотеку Святого Георгия. И, тем не менее, сегодня я отказала в знакомстве четырём парням. Это мой рекорд, если что.

В общем, когда подруга завизжала мне в ухо: «Смотри, Мелли, они выехали на финишную прямую!» – я как раз думала о том, что мне несказанно жаль новых туфель – их давно оттоптали и пряжка отвалилась. Красивая такая, блестящая, квадратиком. Если бы я знала, куда мы попадём, надела бы старые.

– И кто из них Хит? – любопытствовала я, вытягивая шею, точно гусыня, и стараясь разглядеть хоть что-то.

Из-за сумасшедшего гвалта приходилось кричать так, будто мой дом охвачен огнём, а я не могу выбраться.

– Не пойму пока, – отвечала Уинни, – кажется, среди лидеров его нет.

Мне стало жаль её напрасных надежд.

– Не расстраивайся, – сказала я, – уверена, твой Хит уже наступает им на пятки.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, я поднялась на носочки, чтобы получше рассмотреть участников. Может, Уинни ошиблась, и парень, который ей нравится, один из лидеров? Они же похожи как горошины из одного стручка! Все в шлемах, солнцезащитных очках, футболках с номерами и велосипедках. Трое из них вырвались вперёд. Едут один за другим, намахивая так, что бедные велосипеды виляют то влево, то вправо – вот-вот равновесие потеряют! Впереди парень в синих очках. Двое других пытаются его обогнать, а он, хитрец, то в одну сторону чуть возьмёт, то в другую. Можно подумать, у него глаза на затылке!

А овации всё громче. Радостные крики, ликующий свист, аплодисменты – всё слилось в монотонный непрекращающийся гул. Люди поддерживали совершенно незнакомых им гонщиков с такой отдачей, будто вот-вот случится что-то экстраординарное. Например, из глубин океана выплывет сам Левиафан.

Я невольно поддалась всеобщему порыву и что-то кричала, хотя умом понимала: мне-то болеть не за кого. У всех моих братьев свои семьи давно, они не станут принимать участие в пустой забаве и детям своим не позволят. Одна я, как сказал бы Джон, позорю семью. Но Джона здесь нет, как нет ни Алистера, ни Седрика, а значит, и осудить меня некому.

И вот троица лидеров буквально в секунде от финиша. Сердце, кажется, совсем от волнения останавливается, и на моём выкрике: «Двенадцать!» – этот самый номер пролетает финишную черту и поднимает руки, приветствуя зрителей. Что-то выкрикивает и продолжает крутить педали. Удерживает равновесие, не касаясь руля. Как так можно вообще? Для меня, которая ни разу в жизни и близко к велосипеду не подходила, это сродни чуду эквилибристики.

– Двенадцать! Ты лучший! Так держать! – кричат отовсюду.

Девушки визжат так, что чуть из шорт не выпрыгивают, и просят номер телефона. Кто-то снимает видео, кто-то протягивает руки, пытаясь коснуться лидеров. Те постепенно замедляют движение, отвечают на приветствия. Один успешно ловит букет цветов, другой на ходу снимает футболку и швыряет в галдящую толпу.

А номер двенадцать, вильнув колесом, останавливается возле меня и с шумом переводит сбившееся дыхание. Стоящие рядом люди взрываются ликующими криками и тянутся к велосипеду победителя, будто к какой-то исцеляющей реликвии. Но всё это идёт фоном – моё внимание приковано к зеркальным стёклам очков. За ними направления взгляда не угадать, но ощущения такие, будто смотрит он не в глаза, а в самую душу заглядывает, и прямо посреди знойного лета кожу пробирает мурашками.

– Поздравляю! Ты лучший! – не придумав ничего оригинальнее, вслед за остальными машинально повторяю я.

И он вдруг улыбается так, будто рад встрече со мной. Именно со мной, а не с кем-то другим.

– Не против? – спрашивает он и в следующий миг, не дождавшись ответа, наклоняется близко-близко. Так, что сталкиваются не только наши носы, но и губы. Они у него горячие, шершавые и сухие. А ещё очень напористые и подвижные. Я ещё толком не понимаю, что происходит, а он уже сминает мой рот своим. Жадно, дерзко, уверенно. Обжигает дыханием. Мнёт мои безвольные губы, расталкивает их языком и проникает внутрь. От удивления я и не дышу вовсе. Он именно это имел в виду? Поцелуй? Это же... поцелуй, не так ли? Тот самый, который обычно происходит за закрытой дверью между двумя любящими людьми?

Во всяком случае, я представляла его именно так. Как что-то робкое, нежное, сокровенное. Но на священное таинство этот поцелуй вовсе не тянет. И не только потому, что меня целуют у всех на виду. Этот факт меня даже не пугает, как должен. То, что творится вокруг, за ненужностью словно прячется на самую верхнюю антресоль. Чувствую только вкус этого парня у себя во рту, такой необычный, сильный и на удивление не отталкивающий, и то, как моё собственное сердце бьётся оголтело, на разрыв, отдаваясь гулким эхом в каждой клеточке тела и чуть не разрывая барабанные перепонки.

А когда я вспоминаю, что неплохо было бы втянуть носом хоть немного воздуха, инстинктивно подаюсь назад, но меня не отпускают, прижимая затылок ладонью. Чужие цепкие пальцы запутываются в волосах. Но вместе с тем мне таки удаётся вдохнуть, и мои рецепторы обжигает совершенно новый для меня запах – острый, густой, многокомпонентный, который я не способна разобрать на составляющие, но который однозначно вытесняет все запахи и вкусы, какие мне когда-либо доводилось пробовать. Он действует на меня как дурман, обволакивает сознание и каким-то непостижимым образом влияет на чувства, потому что я совершенно неожиданно понимаю, что мне нравится то, что делает этот незнакомый парень. То, что *мы* делаем. Ибо мои губы тоже не остаются неподвижными.

И едва я это осознаю, как мозг, а вслед за ним и тело пронизывает болезненным импульсом, мгновенно тормозящим все мои действия. Я вспоминаю, что так делать нельзя. Это грешно, опасно и совершенно недопустимо!

Издавая какое-то отчаянное мычание, я пытаюсь отвернуться и упираюсь кулаком в сильную и разгоряченную мужскую грудь. Он не препятствует. Отстраняется и ухмыляется, облизывая губы – порочно, обольстительно, маняще!

Мамочки!..

– Дашь номер? – Он и не спрашивает вовсе. Голос у него низкий и хриловатый, но мне хватает и двух слов, чтобы понять, какой магнетической силой он обладает. Ослушаться – себе дороже.

– Я не пользуюсь мобильным, – не без внутреннего трепета выдыхаю я и добавляю: – Извини.

Его правая бровь чуть приподнимается в удивлении, но в следующий миг нас разлучает толпа. Крики, смех, рукоплескания и чей-то срывающийся крик: «Возьми мой номер, красавчик!» – наваливаются с новой силой, а вслед за ними придавливает сокрушительным стыдом, и я, пряча пылающее лицо в ладонях, пытаюсь выбраться из толпы, не реагируя ни на случайные тычки в спину, ни на грубые окрики.

Запыхавшаяся Уинни догоняет меня у фудтрака.

– Мелли! Что это было? Ты знаешь этого парня?

Не в состоянии выдать ни слова, я лишь мотаю головой. И тут же разражаюсь слезами. Не пойму, что со мной. Мне и обидно, и стыдно, и страшно, и радостно в одно и то же время. Такое вообще бывает?

Глава 2

– Вызывали, миссис Каррингтон? – спросила я, заглядывая в кабинет.

– Да, мисс Бейнардс, входите.

Миссис Каррингтон – «всего лишь» директор библиотеки Святого Георгия, но выглядит так, будто руководит по меньшей мере целым министерством культуры и образования. Все её костюмы были безукоризненны, воротники блузок хрустели от обилия крахмала, а причёски напоминали взбитые парики эпохи рококо. Ну и выражение лица точь-в-точь как у преподобного Сэмюэла Хэвиленда на известном портрете Томаса Корварда. В общем, не сказать, что я её боялась, но предпочитала не слишком часто показываться на глаза.

Она оглядела меня с ног до головы пронзительным изучающим взглядом, который чуть не довёл меня до предынфарктного состояния, и указала на первый из стульев, стоявших у длинного стола переговоров.

Я и села, аккуратно оправив юбку-миди и плотно сжав колени. Руки положила на стол таким образом, чтобы металлическая застёжка от часов не поцарапала лакированную столешницу.

– Вы работаете в библиотеке семь месяцев, – начала миссис Каррингтон – при разговоре её второй подбородок касался воротника-стойки и тот хрустел на все лады, распространяя лёгкий аромат подслащенного картофеля, – но уже успели зарекомендовать себя ответственным и прилежным сотрудником, и я весьма вами довольна.

Я осторожно перевела дыхание. Наверное, напрасно я так накручивала себя. Ну в самом деле, не уволят же меня за то, что я целовалась с парнем! Двадцать первый век на дворе, а миссис Каррингтон, несмотря на пуританские наряды, не принадлежит к общине левиафанцев.

И всё же в глубине души я чувствовала себя запятнанной и скомпрометированной. Такого не должно было случиться! И не случилось бы, не пойдя я на то мероприятие. А раз пошла, нужно было дать чёткое категоричное «нет» на его: «Не против?». А я смолчала. Позволила себя целовать. Мало того, я ответила на поцелуй! Значит, сама виновата. Мне и ответ держать перед семьёй, общиной и тем, кто руководит этим миром, уж не знаю, Левиафан это или кто другой. И наказание, чувствую, будет суровым.

– Спасибо, миссис Каррингтон, – выдохнула я, понимая, что нужно как-то отреагировать на похвалу.

– Перейду к делу, – кивнула та. – В связи с переходом на информационную систему обслуживания нами ведётся кропотливая работа по цифровой трансформации нашей отрасли и в целом по переосмыслению роли библиотеки в эпоху цифровых данных и искусственного интеллекта. И время в этом деле не терпит. Так как вы – один из моих самых молодых и прогрессивных сотрудников и наверняка с компьютером с детства на «ты», я поручаю вам автоматизацию процесса каталогизации и управления учётными записями пользователей. Миссис Линд введёт вас в курс дела. Приступайте к своим новым обязанностям как можно скорее.

Слушая миссис Каррингтон, я и дышать не смела. О том, чтобы занять мобильный телефон или телевизор, а тем более компьютер, не могло быть и речи. «Всякому непотребству не место в моём доме!» – говорила мать. В школе у меня, конечно, были уроки информатики, но на них мы, как правило, учились делать простейшие слайд-презентации и перепечатывать текст. А в конце каждой четверти нам разрешали поиграть в бродилки или шутеры. Но чтобы с компьютером на «ты» и вот так сразу «автоматизировать процесс каталогизации»!.. Для меня это почти как слова на каком-то мудрёном иностранном языке, о котором я прежде и не слышала.

– Это очень ответственная работа, миссис Каррингтон, – проговорила я, мысленно ругая себя за вялый несмелый тон. – Боюсь, что не смогу оправдать ваших ожиданий на все сто.

И начальница, конечно же, поняла меня неправильно. Она отметила мою исключительную скромность и заверила, что я всё сделаю намного лучше, чем она даже представить себе может.

– Библиотеку двадцать первого века должны представлять молодые прогрессивные сотрудники и кто, как не вы, замените миссис Линд на её ответственном посту! – заливалась соловьём миссис Каррингтон и добавила, чуть понизив голос: – Плюс повышенный оклад и дополнительные четыре дня к отпуску.

Четыре лишних дня дома меня совершенно не прельщали, но всё дело в том, что я никогда толком не умела отказывать людям. Тем более старшим по возрасту и статусу. Подчиняться и угождать меня учили с раннего детства, но в реальной жизни, как показала практика, это правило зачастую работало против меня. Я пытаюсь бороться с этим, честное слово, но это ужасно сложно.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, – выдавила я и поспешила к выходу.

Неужели в моей жизни началась чёрная полоса? Сперва этот инцидент на дне города, теперь новая должность. Я не справлюсь с возложенной на меня миссией и опозорюсь на всю библиотеку. Ну за что мне всё это?

Подписав необходимые бумаги в отделе кадров, я вернулась в зал краеведческой библиографии, где за стойкой в ожидании конца рабочего дня дремала миссис Фрейзер. Она была старше моей матери и всю жизнь проработала на одном месте.

– А? Что? Это ты, Мелли? – спросонья переполошилась она. – Уже домой пора?

– Нет, миссис Фрейзер, рано домой – ещё и время обеда не подошло.

– А куда ты выходила? Неужели посетитель зашёл и его пришлось обслуживать?

– Нет, никто не заходил. Но у меня новость. Меня переводят в сектор автоматизации библиотечных процессов.

– Как? – опешила старушка. – Бедняжка! Это, наверное, очень сложная работа. Но я теперь, получается, останусь одна? Мне будет совершенно не с кем поговорить. Вот раньше у нас читатели были – зал переполнен, просу взойти негде, а сейчас и то хорошо, если в неделю один заглядывает.

На самом деле по-разному случается. Бывает, за целый день никто не зайдёт, а бывает и так, что за стойкой очередь скапливается.

– Зато у вас куча свободного времени, – оптимистично заявила я, – хотите – читайте книги, хотите – вяжите.

– Скажешь тоже. Вяжите!.. Зрение уже не то.

– Извините...

– Что у нас там по графику? Мероприятий в ближайшее время не планируется?

– До конца августа ничего серьёзного.

– Буду просить миссис Каррингтон, чтобы прислала мне помощницу.

– Отличная идея. Если я вам больше не нужна, я пойду. Хорошего вам дня, миссис Фрейзер.

– Заходи поболтать, Мелли, я всегда тебе рада. Ты не такая, как вся эта современная молодёжь. Не испорченная, скромная, правильная...

– Как только освободится минутка-другая, обязательно зайду, – пообещала я и, собрав свои немногочисленные пожитки – чашку с морским принтом и надписью: «Я люблю Эбби-Блаунт», томик «Приключений одноглазого пирата» и вязаную шаль – непременный атрибут любого уважающего себя библиотекаря – и была такова.

Сектор автоматизации находился в соседнем крыле и представлял собой небольшой кабинет с двумя столами и соответственно двумя рабочими компьютерами, с фикусом в кадке, шкафами, заполненными разноцветными папками и ширмой, за которой, как я предполагала,

стоял чайный столик с заварником, пачками печенья и прочим. Но самым главным достоинством было панорамное окно с видом на лазурный океан и яхты с белоснежными парусами.

– Красота! – не удержалась я.

– О! Долгожданное пополнение! – приветствовала меня миловидная молодая женщина в голубом костюме. Мы виделись на общих собраниях и иногда пересекались в холле, и я считала её идеалом современной женщины – красивой, стильной, уверенной в себе. Но больше всего меня удивляло и восхищало в ней то, что она, будучи в интересном положении, не заперлась дома, а продолжала вести активный образ жизни. – Давайте знакомиться. Меня зовут Джасинда Линд, можно просто Джас. А вы мисс Бейнардс, не так ли?

– Мелли, очень приятно. И можно на «ты».

– Отлично. Проходи, Мел, обживайся. Я рада, что старушка Каррингтон прислала именно тебя.

– Да?..

– Никоим образом не хочу обидеть ровесников миссис Фрейзер и её саму, но зачастую такие, как она, о компьютере знают лишь понаслышке и тыкают в клавиатуру одним пальцем со скоростью четыре буквы в минуту. А ты станешь моей достойной преемницей. – Она погладила свой кругленький животик и усмехнулась. – Но знай, что все, кто работает на этом месте, беременеют, и полугодом не проходит. Я тоже начинала оттуда, а как Пэм увезли в родзал прямо с рабочего места, пересела сюда. А до неё там Карла сидела, у неё двойня. Ты к такому готова?

– Я не суеверна, – ответила я и всё же с некоторой опаской поглядела на предложенный стул. Капитана Болингброка, своего будущего мужа, я ждала не раньше следующего лета и вовсе не мечтала иметь от него детей.

– Я тоже далека от суеверий, но закономерность налицо, – расплылась в улыбке Джас. – Может, по чайку? Заодно расскажу, что тут к чему.

– Можно, – согласилась я.

За чашкой чая мы немного посплетничали, но в основном Джас знакомила меня с новыми обязанностями и фронтом работ. В целом, мне показалось, что волновалась я напрасно. Мне поручили заполнять электронные карточки пользователей. Под руководством Джас я открыла специальную программу и заполнила одну. Моим «подопытным кроликом» оказалась некая Эдит Мередит тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года рождения. Уверена, я запомню это имя надолго.

– Вот видишь, ничего сложного, – с улыбкой сказала Джас.

– Я справлюсь, – пообещала я.

– Если что, спрашивай, буду рада помочь.

– Спасибо.

Джас несколько скептически оглядела мою твидовую юбку и шерстяной пуловер – в библиотеке даже в разгар летней жары было прохладно. Но я не люблю, когда кто-то критикует мой стиль одежды. Потому что критиковать его могу только я сама.

– Что-то не так? – поинтересовалась я.

– Нет, извини, – ответила Джас и вернулась к работе. Но не прошло и трёх минут, как она сказала: – Почему-то мне кажется, что я видела тебя на празднике. Только ты была с распущенными волосами. Тебе очень идёт.

Я замерла, не дыша. И только сердце билось глухо, с отяжкой, отдавая болезненным эхом в виски и уши.

Что ещё она видела?!

– Или просто девушка оказалась на тебя похожей, – повела плечом Джас. – Кстати, слышала новость? В Фэррингтоне и Клиффордсе прикрыли библиотеки. Они называют это реформой, но, как по мне, это вредительство в чистом виде. Ну и что, что сейчас век технологий и цифровизации? Это же не повод закрывать библиотеки, верно?

– Верно.

– Надеюсь, мэр Хокинс на это не пойдёт.

– Я тоже на это надеюсь.

– Ну что, получается? – не отвлекаясь от набора текста, спросила она спустя пару минут.

– Получается.

– Работа монотонная, конечно, но нужная. Справишься за несколько дней, потом перейдём к более интересному.

Работать с Джас оказалось намного веселее, чем с миссис Фрейзер, но иногда её болтовня утомляла. Особенно в те минуты, когда она интересовалась моей личной жизнью.

Пришлось прояснить ситуацию.

– В общине, к которой я принадлежу, не принято обсуждать личное, – сказала я.

– Ох, извини, не знала. – Джас так удивилась, что даже от компьютера отвлеклась. – Левиафанцы, правильно?

– Всё верно.

– Прости моё любопытство, но... Они... То есть вы совсем не верите в Христа? И до сих пор поклоняетесь мифическому Левиафану? Живёте общиной и не употребляете в пищу морепродукты?

Я вздохнула. Ну вот, всегда одно и то же!..

– Мы верим в единого создателя всего живого – Левиафана. Живём общиной и едим морепродукты. Почему бы нам их не есть?

– Ну, – она пожала плечом, – не знаю. Почему-то так говорят.

– А ещё мы никого не переманиваем в свою религию и не осуждаем за их веру и уклад жизни.

– Прости, я позволила себе лишнее. Не хотела тебя обидеть.

– Всё нормально.

Работа спорилась. Я заполняла карточку за карточкой и радовалась своему участию в процессе информатизации библиотеки. А главное, моё внимание не рассеивалось и воспоминания о произошедшем на дне города не заставляли меня краснеть и испытывать горючую смесь вины и страха перед разоблачением.

Ровно в два Джас поднялась со стула, потянулась и весело произнесла:

– Обед! Я всегда хожу в кафе на Цветочном бульваре, там вкусно и недорого. Составишь мне компанию?

– Я обычно беру обед с собой.

Потому что все заработанные деньги отдаю матери и та выделяет мне копейки на самое необходимое, но вдаваться в подробности я не стала.

– Как знаешь.

Джас ушла, оставив после себя стойкий аромат парфюма, а я повернулась к окну. Лазурная гладь океана, парусники, белоснежные облака, пальмы и раскинувшийся в долине город – смотреть на это можно вечно.

Но...

Я хотела это сделать, как только села за компьютер. Боялась так, что дрожали руки и критически учащалось сердцебиение, но желание выведать как можно больше информации превышало страх.

И вспотевшими пальцами я выбила в поисковой строке: «Велогонки в Эбби-Блаунте». Браузер молниеносно выдал кучу ссылок, фотографий и видео. Как это пережить и не сойти с ума?

Давление резко подскочило до немыслимых пределов, закружилась голова, видимость рябью пошла. Да у меня больше шансов получить инфаркт до того, как я открою верхнюю ссылку!

– Давай, Мел, просто сделай это, – сказала я себе и щёлкнула мышкой.

Сквозь пелену перед глазами пробежалась по открывшимся строчкам. Краткий экскурс в историю Эбби-Блаунта, приветственная речь мэра, список гостей и мероприятий, спонсоры... Так. Победителем заезда, протяженность которого составила сто тридцать шесть миль², стал двадцатитрёхлетний уроженец Эгмонтон Ашер Меркс. На втором месте... Так, это можно пропустить... «Я с детства мечтал жить у океана, и вот, в первый же год здесь принял участие в велогонке и победил. Такое чувство, будто я выиграл эту жизнь», – поделился впечатлениями Ашер Меркс.

Ашер... Такое необычное имя!

Он действительно выглядит как человек, который выиграл эту жизнь. И на фото, и в реальности.

А я выгляжу так, будто проиграла, едва появившись на свет.

Тогда почему из сотни девушек он выбрал меня?

На некоторых фотографиях среди толпы на ярком летнем солнце искрятся мои «лисы» волосы. Джас права – они действительно выглядят эффектно. Особенно в кадре, где меня сфотографировали крупным планом – я даже не заметила, кто и когда! – я смотрю в сторону и поправляю волосы, и они струятся по плечам длинными медно-рыжими волнами. Макияж вышел удачным, а одежда вовсе не кажется старомодной. Она необычна и не лишена элегантности. Сама шила!

Но вспышка тщеславия быстро сменилась паникой: что, если на других кадрах или, что ещё хуже, на видео я увижу другое? А главное, это непотребство увидят знакомые и донесут матери и пастору Уинслеру? Я навлеку неслыханный позор на всю семью и моё имя будут произносить с брезгливостью и отвращением. Бедная моя мамочка!..

² 136 миль – 218,87 км, это распространённая дистанция для велогонок, среднее время преодоления – 6-10 часов

Глава 3

– Ты слышала, Мелли, Бриггинсы съезжают и продают дом? – не отрываясь от шитья, сказала мама. – Надеюсь, там поселится большая благочестивая семья.

Это событие мы с Уинни обсудили ещё неделю назад. Теперь дом стоит пустой и безмолвный – никто из многочисленных маленьких Бриггинсов не устраивает потасовки и не гоняет чужих котов. Но таким он точно надолго не останется – место-то хорошее. Спокойное, тихое, уютное. Почти вся улица заселена представителями общины – людьми работающими, непьющими и в целом безобидными, если, конечно, не считать их фанатичную преданность Левиафану. А в пятнадцати минутах ходьбы – синий океан, чистые пляжи, кафе, аквапарк, прокат гидроциклов...

Ох, да мне всё равно, кто там поселится! Волнует меня совсем другое. С празднования дня города против воли в моём сердце появились странные, до сих пор неведомые мне чувства. Они волновали и пугали до потемнения в глазах. Рвали душу в клочья и заставляли лить горячие слёзы в подушку по ночам. А главное, сколько бы дней ни прошло, не утихали ни на минуту.

Я и сама не понимала, что это за чувства такие. Ни одного похожего в моём лексиконе нет.

Это однозначно не стыд, потому что он накапывал внезапно и одномоментно, воскрешая в памяти ту самую сценку с оглушающими воображение подробностями и невольно вырывая из груди мучительный стон.

Это и не страх разоблачения. Он присутствовал поначалу, конечно, но прошла неделя, а в мою сторону до сих пор не тыкали пальцами со словами: «Она опорочила честь семьи, немедленно отлучите её от общины!» Наверное, моё наказание откладывалось в связи с тем, что ни у кого из родных и знакомых не имелось ни телевизора, ни интернета, чтобы там случайно меня увидеть, ну а в молчании Уинни я не сомневалась. Да и, как оказалось, в вину мне можно было вменить лишь то, что я присутствовала на празднике. Фото с поцелуем тоже имелись, но моего лица по понятным причинам было не видеть, а всё остальное закрывала стоявшая рядом подруга.

Это и не сожаление, потому что, чем дальше, тем меньше я сожалела о произошедшем.

Ну и, конечно, это далеко не любовь. За что мне любить парня, поцеловавшего меня на виду у половины города? Он мне не жених, не родственник и тем более не почитаемый всеми святой.

Зато я точно понимала, что не хочу чувствовать ничего подобного. Эти странные чувства утомляли меня, выжимали из меня все соки, и я ощущала себя опустошённой и осквернённой – совсем капельку. Но именно осознание этого давало мне повод немного позлорадствовать, ведь до сих пор мне было до жути обидно, что своему престарелому жениху, который, скорее всего, давным-давно познал женскую ласку и успел ею пресытиться, я достанусь совсем чистой и непорочной. А теперь я «с изъясном». Маленьким таким и пикантным. А главное, незаметным – физических последствий ведь не осталось! Об этом грешно думать, знаю, но ничего не могу с собой поделать.

– Мелли, не слишком ли глубок вырез? – озаботилась мама, заглядывая через плечо. А я и не заметила, как она поднялась и пересекла комнату! – У нас, кажется, ещё оставалось немного кружева, чтобы прикрыть этот срам. Ты меня слышишь, дочь?

– Да, мамочка, конечно, слышу. Извините, я задумалась.

– Задумалась? Интересно, о чём?

В её тоне проскользнула насмешка и упрёк. Но это нисколько не удивляло. Мы с мамой никогда не были близки. Я чувствовала, что она порой тяготится меня, ибо я была её последним, десятым ребёнком, и, что греха таить, далеко не самым послушным, да и по возрасту она,

скорее, годилась мне в бабушки, чем в матери. Отец за два месяца до моего рождения утонул во время шторма вместе со старшим сыном и рыбацкой лодкой, и его старая потёртая чёрно-белая фотография занимала почётное место на стене в гостиной – рядом с вышитой крестиком картиной Пресвятого Левиафана и строчками из книги его последователей. Мама не скорбит о кончине мужа и сына, ведь погибнуть в океане, где якобы живёт прародитель всего живого – Левиафан – достойно уважения и зависти. Она даже никогда не произносит слова «погибли» или «умерли» по отношению к ним – их просто призвал к себе Левиафан.

– О работе думаю, – отозвалась я. – Ничего особенного, но из-за отгула, который я брала на празднование сотворения человечества, миссис Каррингтон перенесла мне рабочий день на воскресенье. Вы же не против, если меня не будет дома в воскресенье?

– Но ты не можешь пропустить воскресную проповедь! – гневно воскликнула мать.

– Самое начало я не пропущу, обещаю. И я обязательно поговорю с главой Уинслером, он должен войти в моё положение. Многим в общине приходится трудиться в воскресенье и...

– Твои походы в библиотеку мне совсем не нравятся! – перебила мать.

– Но почему? – не удержалась я. – Если бы у меня была дочь, я бы гордилась тем, что её повысили в должности.

– Ты и понятия не имеешь, что это такое – растить дочь! Особенно в наше время, когда отовсюду атакуют соблазны и грех!

– Но в библиотеке нет ничего такого, что бы воспрещалось уставом общины. Библиотека – это храм науки и знаний, это обитель поэзии и искусства, это...

– Девушке твоего возраста не пристало ходить по улицам одной, – снова перебили меня.

– Это неприлично и недопустимо. Что люди скажут?

– Ну, – повела плечом я, – наверное, они скажут, что я зарабатываю на хлеб и помогаю матери? Что в этом плохого?

– У твоей матери и без тебя хватает помощников, – скрипнула зубами мать, имея в виду своих самых благоразумных старших детей и их семьи. – Хватит с меня этой... негодницы!.. Всё начиналось с того, что она желала сама зарабатывать себе на жизнь. И чем всё закончилось, а?

Вопрос этот чисто риторический. Если спросить напрямую, мне не ответят. Мама всегда менялась в лице, когда говорила о своём девятом ребёнке – Изольде. Тётя Изольда считалась в нашей семье паршивой овцой. Что с ней случилось на самом деле, толком неизвестно, но факт в том, что она единственная, кто живёт за пределами Эбби-Блаунта и не имеет мужа и детей. Пустоцвет, как называет её Джон и его жена Мэри. Пару раз в год, избегая крупных праздников и семейных застолий, тётя Изольда приезжает навестить мать и привозит мне сладости, игрушки и нарядные платья. Позже мама запирает их в сундуке и тщательно моет руки с мылом, а я вспоминаю шикарные рыжевато-каштановые тётушкины волосы, которые она никогда не прячет за платком или шляпкой, ласковую улыбку и модные наряды...

– Что я мужу твоему будущему скажу, – продолжала сетовать мать, – когда он спросит, почему я отпускала тебя надолго из дому без присмотра? А если он откажется от тебя? Ох, Мелли, чует моё сердце, погубишь ты себя!..

В такие моменты моё сердце обычно переполнялось жалостью к чувствам родного человека. Но не теперь. Теперь мне хотелось выскочить из дома, громко хлопнув дверью, и убежать далеко-далеко, чтобы больше никогда не видеть никого из общины, не слышать их заунывных песнопений и позабыть их устав.

– Поскорее бы капитан Болингброк вышел в отставку! – не унималась мать. – А ты, Мелли, всё-таки пришей кружева побольше. Негоже ходить будущей невесте в платье с таким вырезом! Хватит и того, что ткань в цветочек!

Как по мне, вырез получился вполне себе скромный. Мама засиделась дома и не в курсе, в чём ходят современные девушки! Даже некоторые модницы из общины уже позволяют себе

больше, чем то, что пытаюсь соорудить из цветастого шёлка я. Лиззи Карлстон, например, каждое воскресенье меняет на шляпке цветы и ленты, с каждым разом делая их ещё более крупными и яркими, а Фрэнни Ллойд как-то рискнула выйти в магазин в юбке-брюках до пят – и ничего, пастор ни слова не сказал против!

Но я и так наговорила больше, чем следует, и теперь, чувствую, мать затянет свои нотации до самой темноты, а я ещё с Уинни увидаться хочу.

Так и вышло. Мама начала жаловаться на бездуховность, упадок нравов и тому подобное, и я помимо воли с головой ушла в воспоминания.

И тот незнакомый парень будто наяву останавливается передо мной. Переводит дыхание. Я пытаюсь поймать его взгляд за зеркальными стёклами очков и периферийно замечаю, как быстро вздымается при дыхании могучая грудь, как вызывающе и соблазнительно выглядят обветренные ярко-красные губы. Вот-вот он наклонится и под звуки фанфар и аплодисментов поцелует меня... Скорей бы!..

– Мелли! – воскликнула мама, излишне резво для её возраста поднимаясь с кресла-качалки и подбегая к окну. – Кажется, новые соседи приехали! Ты уже подумала, что им испечь в честь знакомства? В чём ты, кстати, пойдёшь? То кремовое платье всё ещё неплохо на тебе сидит, хотя в груди не мешало бы немного расшить... А фургон какой-то слишком уж вызывающе пёстрый! Разве так можно? Жаль, я вдаль совсем плохо вижу, не то что прежде. Ну-ка, погляди, что из себя представляет отец семейства? Солидный, пожилой и в теле, как и подобает истинному последователю Пресвятого Левиафана?

Не ожидая ничего интересного от «истинного последователя Пресвятого Левиафана», я всё же послушалась мать и выглянула из-за её плеча.

У дома, где ещё неделю назад жили Бриггинсы, остановился вполне приличный фургон с надписью «Все виды ремонтных работ» и номером телефона. Рядом курили двое рабочих, очевидно, дожидаясь приезда хозяев. А вот, собственно, и они...

Нет, серьёзно? Этот крутой спортивный автомобиль глубокого синего цвета, напоминающий океан под затянутым кучевыми облаками утренним небом, остановился аккурат у соседнего дома? Непохоже, чтобы в нём поместилось целое семейство «истинного последователя Пресвятого Левиафана»!

Но когда дверца открылась и из салона выскочил водитель, моё сердце вдруг болезненно сжалось, а в следующий миг забилося с утроенной скоростью. Водитель вовсе не пожилой, не солидный и не «в теле», как обычно выражается мама. Скорее, наоборот. Молодой, спортивный, подтянутый. В обтягивающей литые мышцы светлой футболке и тёмно-серых чиносах. С дерзкой стрижкой и в синих зеркальных очках. Он сходу раздал указания, и рабочие без промедления принялись сгружать из фургона ведёрки с краской и коробки с ламинатом.

– Помилуй, Святая Мелизольда! – ахнула мама. – Куда катится мир? Кажется, на приличного отца семейства этот человек совсем не похож.

Я не ответила. Попросту не могла и слова сказать.

Потому что это был тот самый парень, что целовал меня на виду у половины Эбби-Бланта.

Это что же получается? Он теперь... мой сосед?

Глава 4

Из соседнего дома который день подряд раздавались звуки дрели, пилы и сварки, и я едва услышала лёгкий стук ветки об оконное стекло. Так как у моего окна деревья не растут, сомнений нет – это дело рук Уинни. Она всегда вызывает меня таким способом, когда хочет избежать встречи с моей матерью.

Я была наготове и, подхватив сумку, неслышно сбежала по лестнице вниз. Мама дремала в кресле-качалке и «Книга последователей Пресвятого Левиафана» – единственное чтение, которое она признавала – покоилась у неё на коленях. В душе всколыхнулась жалость – в последнее время мама часто жаловалась на головные боли и бессонницу, но вскоре это чувство сменилось другим, менее приличествующем девушке из общины.

Дело в том, что глава Уинслер никак не отреагировал на её жалобы помешать ремонту и не допустить нежеланного жильца на Жасминовую улицу. «Вы ещё не раз пожалеете! – выговаривала она пастору перед воскресной проповедью. – В непосредственной близости от океана должны жить последователи Пресвятого Левиафана, и все, кто думает иначе, не могут называться его паствой!» И тогда, что меня очень удивило, Уинслер ответил так: «Каждый человек волен жить там, где он хочет, и делать ремонт в строго определённое законом время. Ваш сосед не нарушает закон. Вот если он включит электродрель в выходной день или после захода солнца, тогда я первый пойду жаловаться в полицию».

– Наконец-то! – воскликнула Уинни, выглядывая из-за куста жасмина. – Я тут стучу-стучу, а ты не слышишь!

– В таком шуме и пробуждения Левиафана не услышишь! – отозвалась я.

– И то верно, – согласилась подруга. – Купальник взяла?

– Взяла, но не уверена, что смогу раздеться на пляже.

– Да ты не переживай, тебя почти никто не увидит. Мы идём не на городской пляж.

– А куда? – от неожиданности я даже остановилась.

– На рифы.

– Ты серьёзно? Я не пойду туда, где собираются одни экстремалы!

– Мелли, ну пожалуйста! – Уинни схватила меня за руку, глаза её увлажнились. – Они же не бандиты и ничего плохого тебе не сделают. Это люди, которые очень любят сёрфить. И всё.

– И там будет твой Хит? – догадалась я.

– Да, я случайно узнала, – покраснела она. – И разработала подробный план.

– Небольшое напоминание: ни один твой гениальный план по соблазнению Хита не сработал.

– Зато ты целовалась с парнем! – выпалила Уинни.

– Тише! – зашипела я, пристыженно оглядываясь по сторонам.

Мы всё ещё шли по Жасминовой улице и какая-нибудь любительница покопаться в клумбах могла нас услышать.

– Ну а что? – уже тише продолжала подруга. – Благодаря мне у тебя хоть какой-то опыт появился. Теперь моя очередь. И вообще. Это только третья попытка и она точно не будет провальной.

Первую попытку Уинни обратить на себя внимание Хита, признаюсь, сорвала я сама в день празднования дня города. Вторая попытка не удалась из-за внезапно хлынувшего ливня. Я бы сказала, что не стоит тратить усилия и ради третьей попытки, раз уж их знакомству не благоволит судьба, но бросить Уинни наедине с проблемами я никак не могла. Хотя бы контролирую, чтобы с ней уж точно ничего страшного не случилось.

– Ладно, – сдалась я. – Выкладывай, что там у тебя за план...

План показался мне отвратительным, но Уинни ни в какую не желала его корректировать и в итоге мы сошлись на том, что если и в этот раз ничего не получится, то больше она пробовать не станет.

– И мы должны быть дома в половине девятого, – напомнила я.

– Постараемся, – легкомысленно отмахнулась подруга.

– Не постараемся, а должны вернуться до половины девятого, – настаивала я, – иначе родители вообще не выпустят нас из дому.

– Умеешь ты убеждать, – вздохнула она.

В кабинке общественного туалета я скинула свой бесформенный балахон, который в общине принято называть платьем, и облачилась в купальник. Я выбрала самый скромный из возможных, и всё равно он казался мне верхом вульгарности и безвкусия. Полностью обнажить руки и ноги вне дома – это что-то за гранью допустимого! Я уже не говорю об обнажённой нижней части ягодиц и плотно облегающего грудь верха. Нет уж, если Уинни так хочется, пусть раздевается, а я пас. Посидеть на песке можно и в сарафане.

– Ты готова? – спросила я, выглянув из-за двери.

Уинни вертелась перед зеркалом в коротких джинсовых шортиках и топе, беззастенчиво открывающем поясницу и живот.

– Нормально? Я не слишком толстая? – озаботилась она.

– Ты худая, – честно ответила я. – Ты вот так собралась идти? Ничего не забыла?

– Именно так! – с вызовом ответила подруга и скептически оглядела мой сарафан, который я украдкой от матери сшила по лекалам из раздобытого в библиотеке прошлогоднего журнала мод. – Это что ещё за ужас?

– Если бы ты выписывала журналы с выкройками, то не назвала бы мою модель ужасом, – обиделась я.

– Я просто имела в виду, что юбку можно было сделать чуть короче. Но тебе идёт, – оправдывалась Уинни. Наверное, испугалась, что я откажусь принимать участие в её заведомо провальной затее.

Но как только мы оказались на залитой вечерним солнцем улице, она застеснялась своего откровенного наряда. Она сутулилась и постоянно оттягивала края топа, но тот упрямо подскакивал, едва прикрывая лифчик.

– Перестань, – говорила ей я, – так ты только привлекаешь ненужное внимание. Не сутулься, выпрями спину. Подбородок вверх. И не сильно сгибай при ходьбе колени. Посмотри, как держат себя другие девушки, и копируй их. Это несложно.

– Тебе легко говорить, у тебя сарафан, – сдавленно проговорила Уинни. – Дашь выкройку? Я тоже себе такой хочу.

– Если Хит пригласит тебя на свидание, я дам тебе поносить, – смилостивилась я.

На самом деле я ужасно стеснялась своих оголённых плеч, но по сравнению с топом и шортами Уинни мой сарафан выглядел очень даже скромно. Он был длинным, до самых щиколоток, но с разрезами по бокам, и при быстрой ходьбе ноги обнажались чуть выше колена. А главным его украшением был цветочный принт – в крупный синий цветочек. Точь-в-точь цвет спорткара моего нового соседа...

– Ты уверена, – сказала Уинни по дороге на автобусную остановку, – что в доме Бриггинсов будет жить тот самый парень, с которым ты...

Я не дала ей договорить:

– Уверена.

– Ты рада?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Не то чтобы рада, но, честно говоря, я не надеялась когда-либо снова его увидеть. Точнее, была твёрдо уверена, что этого никогда не произойдёт. А тут такое!..

– Мне кажется, тебе стоит познакомиться с ним ближе, – не унималась Уинни, – у меня как раз созрел превосходный план...

– Больше никаких планов, – отрезала я.

– Эх, – обреченно вздохнула подруга. – Но, если вдруг захочешь послушать, я рядом.

«Дикий» пляж находился далеко за городом. Туда мы добрались на междугороднем автобусе и ещё минут двадцать шли пешком. Если учесть время на обратную дорогу, нам остаётся тридцать минут на то, чтобы привлечь внимание Хита, и бегом бежать обратно, лишь бы успеть домой вовремя.

Я ещё никогда здесь не была и представляла себе дикое безлюдное место, где волны бьются о скалистые рифы, а по песку ползают крабы.

Но каково же было моё удивление, когда я увидела вполне цивилизованный пляж с баром и караоке, рядами шезлонгов, спасательной вышкой, кабинками для переодевания и прокатом досок для сёрфинга! Единственное отличие от городского пляжа, куда мы иногда выбирались поглазеть на прибой и поесть мороженого, – это по-настоящему высокие волны с пенящимися гребнями и бесстрашно покоряющими их сёрферами. Зрелище пугало и завораживало одновременно.

Однако больше, чем волны и сёрферы, меня взволновало другое. А именно, один из автомобилей на пляжной стоянке. Спорткар красивого синего цвета, удивительно напоминающий океан под затянутым кучевыми облаками утренним небом.

Ну что за «везенье»? Неужели мой новый сосед тоже здесь?

Первой мыслью было развернуться и бежать что есть мочи обратно, а следующей, наоборот, разместиться на шезлонге и смотреть вдаль, с замиранием сердца наблюдая за тем, как Ашер Меркс покоряет волну за волной. И так как я не собиралась бросать Уинни одну, мне оставалось только выбрать шезлонг.

– Давай сядем ближе к воде, – суегилась подруга, – не то под этими дурацкими зонтиками нас никто не увидит. Он здесь? Не вижу его. А ты видишь? Ах, ты же даже не знаешь, как он выглядит!.. Кажется, вон тот, в красных бриджах. Классно седлает волну, да? Как думаешь, мне будет лучше в купальнике или остаться в шортах и топе? Может, купим по коктейлю?

– Здесь все девушки в бикини, – машинально ответила я, не сводя глаз с отважных сёрферов и пытаюсь разглядеть среди них Ашера, – но ты, если хочешь, можешь остаться в одежде.

– Да уж, спасибо, – проворчала Уинни. – Если бы я хотела узнать, не наплевать ли тебе на счастье лучшей подруги, задала бы именно этот вопрос.

– Прости, что ты сказала? – повернулась я.

– Сядем вон там, говорю, у самой воды.

Мы расположились там, где волны, набегая на мокрый песок, оставляли мелкие ракушки и хлопья пузырящейся пены. Прибой ревел и в промежутках между набегами волн до моего слуха доносились звуки музыки и женский смех.

Уинни была сама не своя. Она то усаживалась на плед, то подскакивала на ноги. Одёргивала несчастный топ, заправляла за уши растрёпанные ветром волосы, убегала от накатывающих волн и, боюсь, если и привлекла чьё-то внимание, то лишь спасателя на вышке.

Я почти не глядела на неё, высматривая среди сёрферов того, из-за которого успела угробить кучу нервных клеток. Эх, ну почему здесь нет проката биноклей?

Парни бесстрашно бросались навстречу волнам, а в следующий миг уже скользили по гребню, раскинув руки и ловя ритм океана, и их силуэты чётко вырисовывались на фоне сверкающей воды. А у меня сердце замирало всякий раз, когда кого-то из них накрывало закручивающейся волной. К счастью, все они неизменно поднимались и упрямо продолжали покорять океан, явно испытывая от этого удовольствие.

Ну и кто из этих сумасшедших Ашер? Отсюда не разглядеть! Тот смельчак в гидрокостюме или вон тот, в синих шортах? Но сердце зануло в тот момент, когда одного из парней

накрыло гигантской волной с головой и он долго не показывался на поверхности. Я перестала дышать и уже была готова бежать за помощью. И тут он вынырнул, сделал глубокий вдох, пригладил волосы, рассмеялся, махнул кому-то рукой и снова взобрался на доску. Вот ненормальный!

Однако время шло, а парень в красных бриджах, ради которого мы притащились в такую даль, всё не выходил из воды. Да и никто, собственно, не выходил, как будто на свете не было ничего важнее волн.

Увлёкшись наблюдением за сёрферами, я пропустила момент, когда Уинни стянула топ и шорты и откуда-то раздобыла доску для сёрфинга. В своём розовом бикини она выглядела непривычно хрупкой и беззащитной.

– Что ты творишь?! – вскричала я, бросаясь за ней в обжигающе холодную воду. – Ты же плавать не умеешь!

Да только кто меня слушал!..

– Подержи доску, Мелли! – крикнула подруга.

До этого дня я не купалась в открытом океане, если не считать летних религиозных обрядов, проводившихся в Чистой лагуне. А тут вроде неглубоко, но пенистая волна вдруг налетела и ударила в грудь. Я и опомниться не успела, как она накрыла меня с головой и потащила куда-то. А главное, как я ни сопротивлялась, ничем помочь себе не могла.

Я тону?.. Тону! В девятнадцать лет, так ничего и не повидав в жизни, вдали от дома, на диком загородном пляже! И даже позвать на помощь не могу – как только удаётся высунуть нос из воды, успеваю лишь вдохнуть полпорции так необходимого мне кислорода.

И как только паника достигла своего пика, меня выдернули из глубины и усадили на воду. Ох, не на воду, конечно, а на сёрфборд.

– Всё нормально? – спросили меня, когда я откашлялась.

Голос знакомый – низкий и хрипловатый, обладающий такой магнетической силой, что мне хватило и двух слов, чтобы испытать уйму эмоций от радости и благодарности до трепета и страха и обратно.

Это он. Он! Тот самый парень, который выиграл жизнь, гонки и всё остальное.

Понимая, что вот-вот встречу с ним взглядом и не зная, как на этоотреагирую, я медленно отёрла ладонями лицо и, собрав волосы в жгут, выжала воду, попутно осматривая сарафан – не сползли ли бретели, не виднеются ли из разрезов колени. Да, я чуть не утонула, но внешний вид не перестаёт меня заботить.

– Спасибо за то, что спас, – проговорила я, не узнавая собственного голоса. Какой-то он... слишком мягкий, напуганный и покорный, как будто моя дальнейшая судьба целиком зависит от решений стоявшего рядом парня. Но ведь это не так!

– Всё в порядке, – сказал он кому-то за моим плечом.

Я обернулась – к нам спешил загорелый дочерна спасатель с надувным кругом в руке.

– Как вы, мисс? – гаркнул тот, перекрикивая шум прибоя.

– Хорошо, спасибо, – ответила я.

– Сегодня большие волны, нужно быть аккуратнее, – сказал он таким тоном, будто отчитывал меня.

– Да, обязательно.

– Следите за своей девушкой, – бросил он стоявшему рядом парню и поспешил прочь – кажется, его кто-то позвал.

Я почувствовала, как мои щёки, несмотря на бодрящую прохладу воды, опалило жаром. За какой ещё девушкой? Он же не принял нас за пару?

– Будет сделано, – весело ответил Ашер и – я не столько увидела это, сколько почувствовала – впился в меня взглядом.

А я... тоже не могла отвести своего. Но встретиться с ним взглядом не решалась и рассматривала то, что оказалось на уровне моих глаз. Сегодня литые мышцы не скрывала тонкая ткань футболки и мне... ужасно хотелось к ним прикоснуться. Убедиться, что они такие же крепкие и твёрдые на ощупь, как и на вид. Едва я это осознала, тут же сжала пальцами края доски. Стыд мне и позор!

– Мы знакомы? Почему у меня такое чувство, будто я тебя уже где-то видел? – Он усмехнулся и провёл рукой по волосам. Несколько капель попало мне на лицо, но дело не в этом.

Меня затопило обидой. Он не помнит меня! Не помнит, как улыбался мне, как целовал, как просил номер телефона. Я понимаю, что прошло уже две недели, но чтобы совсем-совсем позабыть? Если в моей памяти это событие отпечаталось на всю жизнь и повлияло на поведение и мироощущение в целом, то для него это – обыденные, ничего не значащие действия? Он что, каждый день целует новую девушку и даже имени не спрашивает?

– Я Ашер. А ты?

И тут я вспомнила об Уинни. Хорошая же я подруга, ничего не скажешь! Забыла о лучшей подруге, едва рядом оказался парень, который даже не в состоянии меня запомнить!

– Уинни! – вскричала я, прыгивая с доски и оказываясь в объятиях Ашера.

Проклятая волна налетела будто из ниоткуда и ударила нас друг о друга так, что из лёгких вышибло воздух. Его мышцы крепкие и упругие, как я и предполагала, а ещё влажные, прохладные и солёные от воды, но осознание того, что я это откуда-то знаю, привело меня в чувство. Я отшатнулась и, отказавшись от помощи Ашера, попыталась выбраться на берег. Волны накатывали одна на другую, будто соревнуясь, кто из них сойдёт меня с ног, но я упорно шагала к цели. Туда, где на влажной кромке песка стояли Уинни и парень со светлыми волосами до плеч. Стояли и мило разговаривали как ни в чём не бывало.

– Нам пора, мы опаздываем, – бросила я, не отвечая на его: «Привет!»

– Мелли!.. – умоляюще воскликнула подруга.

Нет, больше никаких уступок. Цели мы достигли – она привлекла внимание своего сёрфера, теперь дело за ним. А нам домой пора.

– Подвезти? – раздалось рядом.

Я вздрогнула и подняла голову.

– Я всё равно домой собирался, – продолжал Ашер. – Вам же в Эбби-Блаунт, верно?

Что-то в последнее время я стала частенько терять дар речи. Совсем на меня не похоже. Но что тут скажешь, если заходящее солнце светит прямо в глаза, из-за чего фигура Ашера кажется будто вылепленной из бронзы и окутанной полупрозрачной розовато-жёлтой дымкой, словно божественным сиянием? Чувствую, как по коже рассыпаются мурашки и, похоже, виной тому вовсе не прохладный бриз.

– Нам по пути! Подвезёте? – так некстати вмешалась Уинни. – Будем очень благодарны! А для Хита место найдётся?

Я бросила на неё уничижительный взгляд – что мы, сами не доберёмся? Мы же не какие-то легкомысленные девчонки, чтобы садиться в машину к малознакомым парням!

– Буду рад хорошей компании, – ответил Ашер и подмигнул мне.

Подмигивает он! После того, как признался, что не помнит меня!

Но я бросила взгляд на свои промокшие часы. Естественно, они испорчены. А стрелки остановились на восьми – в это время нам нужно быть на подступах к Эбби-Блаунту. Мама думает, что я помогаю Мелани по хозяйству, и, если я опоздаю, устроит скандал.

– Спасибо, мы воспользуемся вашим приглашением, – скрепя сердце, отозвалась я, – и, надеюсь, мы не доставим вам неудобств.

– Никаких неудобств, наоборот. – Ашер в удивлении приподнял одну бровь, и я, наконец, осмелилась взглянуть ему в глаза – и тут же пожалела об этом. Голубые и глубокие, как безоблачное летнее небо, они мгновенно затянули меня в свои омуты.

Возможно, это не самое лучшее решение в моей жизни. Но сегодня у меня просто нет выбора.

Глава 5

Я сижу на переднем пассажирском сидении и кутаюсь в плед. Не то чтобы замёрзла – постеснялась переодеться в свой монашеский балахон, чтобы не пугать своих случайных попутчиков, и осталась в мокрой одежде. А Ашеру наврала, будто ничего не взяла на смену.

Уинни со своим Хитом расположилась сзади и совсем рот не закрывала, то за одно зацепится, то за другое. Хит иногда вставляет пару-тройку фраз, как она снова начинает вести разговор. Никогда бы не подумала, что у двух таких разных людей может найтись хоть одна общая тема для разговора, но нашлась же! И не одна!

А я молчу, словно воды в рот набрала. Вообще не соображу, о чём можно поговорить. Да и Уинни с Хитом перебивать не хочется.

Ашер тоже немногословен, но ему можно – он за дорогой следит. А этот участок дороги сложный, путанный, вдоль океана идёт. С одной стороны скалы, с другой обрыв и бушующий океан. Повороты крутые. Говорят, здесь чуть ли не каждый день аварии случаются, особенно в туманную погоду. Каждый раз, когда я здесь проезжаю (правда, это случается всего лишь пару раз в год, когда мы с мамой ездим навещать родственников в Фэррингтон), мне становится ужасно не по себе. Поэтому лучше не отвлекать водителя пустыми разговорами.

Я и на дороге, если честно, опасаюсь смотреть. Не то чтобы не доверяю водителю, больше переживаю, не устал ли, не причиняем ли мы своим присутствием дискомфорт? В основном разглядываю приборную панель с кучей всяких светящихся показателей. Краем глаза удаётся отдать дань и водителю. Мне видны его сильные загорелые руки и серая ткань чиносов, обтягивающая левую ногу. Страсть как хочется повернуть голову и хорошенько рассмотреть его профиль, дерзкую стрижку, скулы, шею, плечи... Но я не решаюсь – это было бы слишком. Остаётся только констатировать, что он не превышает скоростной режим, ведёт сосредоточенно и уверенно и не отвлекается по пустякам.

– Чем занимаешься? – спрашивает тихо, не вклиниваясь в беседу Уинни и Хита, но я всё равно вздрагиваю от неожиданности. – Замёрзла? Включить обогрев?

Чувствую, что смотрит. Всего лишь секунду, но я и без того как будто падаю в пропасть. Не пойму, что со мной такое.

– Нет, не надо, – так же негромко отвечаю я. – Здесь просто... поворот крутой.

– Насколько я помню, ещё пара миль, и начнётся ровная дорога.

– Да, уже совсем скоро.

– Так чем ты занимаешься? Студентка?

Ему что, правда интересно?

– Я оператор сектора автоматизации библиотечных процессов.

– Работаете в библиотеке? – в его голосе слышится и удивление, и недоверие одновременно. Неужели я – первая библиотекарьша, с которой он целовался? До меня только всякие студентки и официантки попадались?

– Да, – с вызовом отвечаю я. – А что тут такого?

– Ничего такого. Наоборот, круто.

– Круто?

– Круто – это, – он делает небольшую паузу, – первоклассно, обалденно, чудесно, выше всяких похвал. Как-то так.

– Я понимаю значение этого слова, – обиделась я. – Не думай, что библиотекари изъясняются исключительно высокопарным слогом.

– Прости, не хотел тебя обидеть. Но слог у тебя и правда не такой, к какому я привык, – и передразнивает, неумело и совершенно непохоже предпринимая попытку скопиро-

вать мой тон: – Спасибо, мы воспользуемся вашим приглашением и, надеюсь, не доставим вам неудобств.

– Ну извини.

– Не извиняйся, мне даже понравилось. Расскажи о себе.

Что мне о себе рассказать? О том, что шесть раз в неделю я с радостью убегаю на работу, оставляя мать дома одну? О том, что на каждой воскресной проповеди пою оды Левиафану и ловлю себя на том, что не испытываю при этом ни восторга, ни любви, ни благодарности? Или о том, что обманула родную мать, выбравшись за город?

– Мне нравится моя работа, – скупко отвечаю я.

– Понятно. А помимо работы что-то нравится?

– Очевидно, нравится, раз я приехала с подругой на пляж, – получается немного раздраженно, но Ашер не подаёт вида и продолжает:

– Я тоже люблю океан. Раньше жил в Эгмонтоне – это маленький шахтёрский городок в Западном штате, а как только подкопил денег, выбрался к океану. Такое чувство, будто переехал в рай.

– Спешу тебя огорчить, но рай здесь только в хорошую погоду.

– Неужели?

Я не могу этого видеть, но почему-то пребываю в уверенности, что он скептически приподнимает правую бровь.

– Да-да, – жажду «обрадовать» его я, – по сравнению с внутренними регионами страны температура у нас всегда ниже. Даже летом. Плюс сильные ветра, повышенная влажность, вредоносная плесень, частые туманы и пауки с многоножками в самых неожиданных местах. А ещё огромное количество туристов, пробки на дорогах и неоправданно высокие цены на всё.

– Да, я заметил, но это меня не пугает, – бесстрашно заявляет Ашер.

Невольно бросаю на него взгляд. Так и есть – улыбается. Чему тут улыбаться? Многоножкам? Влажности с плесенью?

– Но, согласитесь, плюсов гораздо больше! – выкрикивает с заднего сиденья Уинни.

И как я пропустила момент, когда они стали нас подслушивать?

– Плюсов намного больше, – подключается Хит. – Океан всегда под рукой. Хочешь – сёрфь, хочешь – займись дайвингом, хочешь – рыбу лови. Куча возможностей для бизнеса. Круглые сутки потрясающий вид из окна. Красивые девушки.

Уинни заливается хохотом, а я, бросив короткий взгляд через плечо, отмечаю, что Хит по-своему красив и наверняка пользуется у девушек повышенным вниманием. Ну и что Уинни в нём нашла? У него же на лбу написано: «Внимание! Я не создан для серьёзных отношений!»

Но я, кажется, стремительно превращаюсь в свою строгую чопорную мать. Вот сегодня бы этого не хотелось.

Солнце коснулось горизонта. Зажглись фонари, хотя до полной темноты ещё далеко. На указателе «Эбби-Блаунт – 5 миль» мы свернули и шоссе, наконец, выровнялось. По обе стороны среди зелени виднелись покрытые солнечными батареями крыши. Это пригород, и здесь живёт значительная часть нашей общины. Насколько я знаю, недвижимость здесь стоит в разы дороже, чем в самом городе.

Вспомнилось, что мать моего будущего супруга как раз живёт в этом районе, и планируется, что в будущем я тоже поселюсь здесь, буду ухаживать за престарелой свекровью, вести быт, воспитывать детей и ублажать мужа, по возрасту годящемуся мне в отцы. Так себе перспективы, конечно.

– На какой улице живёте? – вырвал меня из плена нерадостных мыслей Ашер, и я заметила, что мы, оказывается, уже пересекли черту города. – Куда вас подбросить?

– На Вокзальную, – быстро ответила я, лишь бы Уинни не успела назвать наши настоящие адреса. Не хватало ещё появиться на Жасминовой улице в спортивном авто и в компании двух молодых холостяков!

– Я ещё плохо знаю город, – признался Ашер, – но вам повезло, Вокзальную я найду и без навигатора.

– Отлично. Большое спасибо.

– Может, по кофе?

– Нет, спасибо.

Я не пью кофе.

Нет, не так. Я ничего не пью в компании Ашера Меркса и других красивых парней, меняющих девушек как носки.

– Понял, на сегодня у тебя другие планы. А что насчёт завтра?

– На завтра у меня тоже планы.

– Номер свой хоть оставишь?

– У меня мобильный в ремонте.

Не знаю, почему так сказала. Но Ашер всё понял. Усмехнулся и, как мне почудилось, несколько резковато притормозил на светофоре. Хотя, может, это просто красный пикап вклинился в поток в обход всем правилам дорожного движения.

А Уинни уже всю диктовала Хиту последовательность каких-то цифр. Откуда у неё телефон? Выдумала, что ли?

Но нет! У неё в руках самый настоящий мобильник!

– Лучше пиши мне, пожалуйста, – добавила она. – У него со звуком проблемы, я могу не услышать звонка.

– Окей, – согласился парень, что-то набирая в своём айфоне.

Я отвернулась и уставилась на горящие огнями витрины магазинов.

– Высади нас, пожалуйста, вон у того дома, – указала я на элитную многоэтажку.

За ней парк, а после ещё один переулочек – и мы выйдем к общественному туалету, где обычно снимаем свои «неприличные тряпки» и переодеваемся в бесформенные балахоны, приличествующие скромным прихожанкам общины левифанцев.

– Спасибо за то, что подвёз и не оставил в беде. И доброй тебе ночи! – рассыпалась в благодарностях я, чувствуя непонятный груз вины и сожаления за то, что всё закончилось так нелепо и так быстро.

– Спасибо за компанию, – сдержанно кивнул Ашер.

И даже не улыбнулся. А я поймала себя на том, что мне не хватает его улыбки – дерзкой, лукавой, опасной, но такой обворожительной!

– У тебя есть мобильный? И как давно? И ты мне ничего не сказала! – накинулась на подругу я, как только авто синего цвета скрылось за поворотом и мы смогли выбраться из тени арки.

– Прости, боялась, что кто-то узнает, – повинулась Уинни. – Купила недавно. Долго копила, и вот.

– Копила, говоришь? – прищурилась я.

У неё хватило совести покраснеть.

– Отец даёт деньги на посуду и ткань для приданого, а я покупаю подешевле и потихоньку откладываю сдачу. Вот и удалось подкопить. Купила одну из самых дешёвых моделей. Фото получается не очень, зато интернет есть. Хочешь посмотреть? Держи, мне не жалко!

– Нет, благодарю. Он твой, пусть и остаётся твоим.

Недоверие лучшей подруги задело меня почти так же сильно, как тот факт, что Ашер меня не узнал. Чувствовалось, что Уинни хочет поделиться впечатлениями, но я держалась

отстранённо и всю оставшуюся дорогу мы практически не разговаривали, и я даже обрадовалась, когда у дома Кеплеров мы расстались.

Но вот что странно. Мне жуть как захотелось иметь собственный мобильный телефон и... продиктовать свой номер симпатичному парню с дерзкой стрижкой и голубыми глазами.

Глава 6

А дальше всё закрутилось так, что вспоминать о своей обиде на Ашера стало банально некогда. Работы было столько, что приходилось задерживаться на час-полтора – больше не могла из-за скандалов матери. А после забежала к кухне Мелани помочь по хозяйству, так как из-за раннего токсикоза ей нездоровилось. В церкви тоже бывала чаще обычного – мы готовились к празднеству середины лета и репетировали театральную постановку.

С Уинни мы помирились и наделали кучу совместных фото. Она призналась, что каждый день переписывается с Хитом и иногда тайком бежит к нему на свидания.

– А ещё, – потупилась подруга, – твой Ашер пригласил нас с Хитом на вечеринку. В субботу. В честь новоселья.

Слово «твой» врезалось мне в уши, точно две жужжащие осы, а «вечеринка» нокаутировала окончательно.

– Вы общаетесь? – глухо спросила я. Говорить было так трудно, будто у меня вместо языка кусок деревяшки во рту.

– Не то чтобы общаемся, – сказала Уинни, – Хит с ним общается. И он сказал, что возьмёт с собой и меня.

Сказать, что я впала в состояние шока – это ничего не сказать. Еле выдавила следующее:

– Неужели ты пойдёшь на вечеринку?

– Не знаю. – Подруга пожала плечами. – Подумаю ещё.

– Как ты себе это представляешь? Ладно бы вечеринка была в другой части города, но на улице, где все тебя знают!.. И вообще. На вечеринках чего только не происходит! Пьянки, драки, непристойности всякие... Уинни, я тебя совсем не узнаю!

– Я же сказала, что ничего пока не решила, – недовольно бросила она, а я почувствовала, что теряю её.

С одной стороны, мой долг как лучшей подруги поддерживать её во всём, а с другой, мне стало по-настоящему страшно. Я переживала, не зайдут ли её отношения с Хитом слишком далеко, но сейчас подруга выглядела как никогда счастливой.

– Если хочешь знать моё мнение, – начала я.

– Я его уже услышала, – перебила Уинни. – Теперь послушай меня, Мелли. Я не хочу жить так, как живёт моя мать и тысячи женщин нашей общины. Я хочу одеваться так, как нравится мне, а не главе Уинслеру. Хочу слушать ту музыку, которая мне нравится. Есть ту еду, которую не одобряет община. Выходить из дома, когда мне заблагорассудится. Хочу встречаться с парнем, которого выберу сама. Хочу путешествовать, ходить на вечеринки, танцевать, загорать на пляже, заниматься сёрфингом, любить и быть любимой. А главное, делать всё это открыто, а не тайком, как мы делали до сих пор. Я уверена, тебе хочется того же, что и мне.

Она смотрела на меня так, будто сию минуту ожидала подтверждения своим словам. А у меня ком в горле застрял. Сердцем я понимала её и разделяла все её стремления, но умом всё ещё сопротивлялась. Там будто заноза застряла, мешая мне осознать и принять все свои желания и кардинально измениться.

– Подумай над моими словами, Мелли, – сказала Уинни, так и не дождавшись ответа. – И доброй ночи.

– Доброй ночи, – машинально повторила я.

Какое-то время я провожала взглядом удаляющуюся спину Уинни и боролась сама с собой. Она права. Безусловно, права. До сих пор мы регулярно нарушали устав общины, и ощущение, будто мы делаем что-то недопустимое и наказуемое, не покидало меня, но желание поступать по-своему и попробовать запретное пересиливало чувство вины. Теперь же от меня требовалось во всеуслышание заявить о своих желаниях и пойти против правил общины. Так,

как некогда поступила тётя Изольда. И пусть её за это проклинают до сих пор, думаю, она по-своему счастлива. Свободна и счастлива.

Смогу ли поступить так я?

Раньше, когда мы дружили втроём с Уинни и Мелани, я словно находилась между двух огней: Мелани придерживалась проверенных временем устоев общины, Уинни же, наоборот, полностью их отвергала. Я считала себя «золотой серединой» и, образно говоря, пыталась усидеть на двух стульях сразу. Неудобно, конечно, но безоговорочно принять сторону одной из подруг не могла. Но стоило Мелани выйти замуж, влияние на мою жизнь свободолюбивых взглядов Уинни значительно усилилось.

И всё же я ложилась спать с мыслью о том, что и в крайности впадать тоже не стоит. Как бы меня ни напрягали бесконечные мамины нравоучения, я любила её и не хотела доставлять ей повода для страданий. Она и без того многого натерпелась в жизни.

Но на следующий день, получив аванс, я отложила немного на покупку мобильного телефона.

В общем, в последнее время я была так занята, что пропустила момент, когда ремонт в соседнем доме закончился и туда въехал новый сосед.

– Заселился, – в пятницу вечером объявила мать. – Снова приезжал тот расписной фургон. И второй, ещё хуже. Долго выгружали мебель. Она вся такая громоздкая, неудобная, в тёмных тонах!.. Что за радость – сидеть на чёрном диване? Разве бы Пресвятой Левиафан одобрил такое?

Мама долго возмущалась странным вкусом нового жильца, а я гадала, как мне с ним себя вести? Сделать вид, будто мы не знакомы, не получится. А вот как убедить его молчать о наших приключениях на диком пляже и при этом умудриться не испортить свою репутацию окончательно, тот ещё вопрос.

Пожелав матери доброй ночи, я поднялась к себе. Приняла душ, переоделась в пижаму, подошла к окну задёрнуть шторы. И вдруг застыла.

В доме, где раньше жили Бриггинсы, прямо напротив моего окна горело соседнее. Вроде бы ничего удивительного – так и должно быть, ведь в доме поселился новый жилец. Однако окно было не зашторено. И в комнате явно кто-то был!

Точнее, не кто-то, а он – мой новый сосед! Ашер Меркс! Это я точно разобрала, потому что расстояние между нашими окнами небольшое. Рукой, конечно, до соседнего дома не дотянуться, однако интерьер спальни просматривался неплохо. Да, это спальня, сомнений нет – вон стоит большая двухместная кровать, по обе стороны от неё тумбочки, у стены напротив шкаф-купе, комод, телевизор и куча неразобранных коробок вдоль стены. Интерьер оказался вовсе не траурным, как выразилась мама, а вполне себе даже уютным, в светло-серых тонах. Но больше поразил сам Ашер – он стоял напротив телевизора в одних бриджах, без футболки, почти такой же, каким я его запомнила на загородном пляже.

Испугавшись, что меня тоже могут увидеть, я отпрянула. Сердце билось неестественно быстро и громко, да так, что в груди стало тесно и больно, а на лбу и висках выступили капли пота.

Так и не решившись зажечь электричество, я улеглась в постель. «Приключения одноглазого пирата» подождут, не до них мне сейчас. Тут продышаться бы!..

Из этого положения мне был виден кусочек звёздного неба и угол соседнего дома. Какое-то время из окна напротив падал свет, а затем погас. И только тогда моё сердцебиение стало потихоньку замедляться. Но мысли в голове не утихали ни на секунду. Они то кружили около нерешённого вопроса по поводу дальнейшего общения с Ашером, то отбрасывали в тот день, когда мы целовались, то зачем-то забегали далеко вперёд и рисовали красочные картинки моего счастливого будущего – без капитана Болингброка.

Как, однако, трудно уснуть, когда в доме номер двенадцать по Жасминовой улице появился новый сосед!..

Интересно, что он делает сейчас? Уснул?

Осторожно, на носочках, как будто совершая что-то противозаконное, я прокралась к окну и, прикрываясь плотной шторой, выглянула.

Судя по всему, Ашер не спал. На большом экране телевизора, озаряя комнату то синезелёными, то красновато-фиолетовыми оттенками, мелькали какие-то кадры – с моего ракурса толком не разглядеть. А сам он лежал на кровати. Одна нога согнута в колене, руки за головой. Человек явно наслаждается отдыхом и даже не думает, что в эту минуту кто-то наблюдает за ним.

Ох, мне бы улечься и постараться забыть о том, что видела, но... ноги будто к полу прилипли, а взгляд жадно скользил по мужскому телу – такому непохожему на моё!.. Отблески света ложились косо, озаряя крупные черты лица, крепкую шею, торс с глубоко прорисованными мышцами, сильные натренированные ноги...

Уснула поздно, с необычными и неестественными для меня мыслями.

Но утро выдалось ещё хуже, чем ночь.

Проснувшись вся в поту и со странной тяжестью внизу живота, пришлось принимать душ дольше обычного и на всякий случай запастись средствами гигиены, хотя, судя по календарю, «эти дни» следовало ожидать на следующей неделе.

За завтраком, как всегда, пропустила мимо ушей нудные наставления матери и, наскоро прочитав молитву, заторопилась на работу.

А там, на улице, Ашер Меркс собственной персоной. Стоит на ведущей к крыльцу дорожке и любит своим нестриженным газоном.

Ну почему я не удосужилась посмотреть в дверной глазок, прежде чем выйти?

В памяти живо всплыли мои вчерашние подглядывания и непристойные мысли, и к щекам резко прилил жар. И в этот самый миг Ашер окинул меня удивлённо-оценивающим взглядом. Начал с ног (точнее, с классических коричневых туфель и щиколоток – дальше всё было закрыто шёлковой тканью в полоску), прошёлся по животу и груди и остановился на лице. Поля соломенной шляпки плохо его скрывали и, судя по выражению лица Ашера, он меня узнал. Ну что ж, не узнать меня на сей раз было бы с его стороны откровенным перебором.

Я в свою очередь тоже пробежалась по нему взглядом. Светлая футболка и голубые джинсы подчёркивали его спортивную фигуру, и я, вновь представив, как он выглядит без футболки, поперхнулась и едва не закашлялась.

– Привет! – воскликнул Ашер, глядя на меня так, будто успел все мысли мои прочесть.

– Так ты, значит, моя соседка? Не ожидал. Удивила. Как твои дела?

– Доброе утро, – отдышавшись, ответила я и огляделась по сторонам – не идёт ли кто из знакомых. Как назло, по дорожке неспешно прохаживались две заклятые кумушки – миссис Карлстон и миссис Рид. – Вы наш новый сосед, не так ли?

– Думал, это очевидно, – усмехнулся он.

– Да, Жасминовая улица – одна из самых красивых в Эбби-Блаунте, – невпопад ответила я, стараясь угодить обеим дамам.

– Я заметил, – отозвался Ашер. – Красивая и тихая. Но мы это исправим. У меня сегодня вечеринка в честь новоселья. Хит и твоя подруга Уинни приглашены. И ты приходи.

Да что он такое несёт?!

– Приятно было познакомиться, до свидания! – и резво развернулась, чуть не столкнувшись с обеими кумушками. – Доброе утро, миссис Карлстон, доброе утро, миссис Рид.

– Мелизольда Бейнардс, – обличительным тоном произнесла низенькая и полненькая миссис Карлстон, глядя на меня так, будто собственными глазами видела, как я целовалась с Ашером.

– С кем это ты говорила? – закончила предложение миссис Рид, полная противоположность своей подруги – высокая и тощая, точно сушёная рыба.

– С новым соседом, – ответила я, оглядываясь и делая выразительное лицо.

Уловив мой настрой, Ашер решил подыграть:

– Здравствуйте, дамы. Чудесное утро, не правда ли? Ашер Меркс к вашим услугам.

Миссис Карлстон и миссис Рид двинулись к нам с явным намерением завязать с новеньким светскую беседу, а я под шумок сбежала, невоспитанно срезав путь по идеальному газону Риверсонов.

Кошмар!.. Какое, должно быть, жалкое впечатление я произвела на Ашера! А всё из-за тех двух сплетниц, мнение которых по-прежнему тревожит меня сильнее, чем собственное настроение и желания.

Уинни тысячу раз права. Так быть не должно.

Глава 7

– Доброе утро! Ты, как всегда, на работе ни свет ни заря! – воскликнула запыхавшаяся Джас, толкая ногой дверь и вваливаясь в кабинет.

Я подскочила, роняя стул, и подхватила два огромных пакета у неё из рук.

– Ну что же ты! – упрекнула её я. – Тебе нельзя носить тяжёлое! Нужно было оставить внизу, я бы занесла.

– Меня муж подвёз, – отмахнулась Джас. – И к тому же они не тяжёлые – сама чувствуешь. Кстати, это тебе.

– Мне? – опешила я.

– Да. Там вещи. Одежда. Не подумай ничего такого, просто мне она стала мала, и я подумала, раз мне всё равно особо некуда будет ходить с ребёнком, жаль, если мои платья будут без дела пылиться в шкафу. А тебе будут как раз впору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.